

## ЦАРСКИЙ ГЕНЕРАЛ С КАВКАЗСКИХ ГОР

**Портнягин Александр Дмитриевич,**  
*доктор полит. и эконом. наук,*  
*профессор, г. Москва*



**Неизведанные тропы, по которым идёт исследователь, часто бывают непредсказуемы. Воистину: «человек предполагает, а Бог располагает». Так случилось и на этот раз.**

В 1980-х годах, во время многолетней работы в архивах разных городов России над восстановлением дачи Шалапина в Кисловодске и созданием первого музея на её основе, исследователь Валентина Имтосими столкнулась с неизвестным именем, о котором с теплотой вспоминал Фёдор Иванович. Это была героиня Франции Анна Юрьевна Смирнова-Марли. Под эти именем она поселилась под сводами Театра-музея «Благодать» в Кисловодске. В свою очередь, архивы Анны Смирновой-Марли, которые она уже передала нам вдвоём на Аляске, открыли имя другой героини Франции Эльмесхан Хагондоковой, дочери царского генерала Константина Николаевича Хагондокова. Трудно назвать награду самого высокого достоинства в России, которую не имел бы этот человек. О забытом генерале и пойдёт речь в этой статье.

Волею судьбы в один из приездов в Париж мы с Валентиной встречаемся с внуком генерала художником Константином –

третьим Хагондоковым. Эта встреча положила начало большой и искренней дружбы, многочисленным беседам, во время которых выяснилось интересное обстоятельство. Как объяснил Константин, его отец Исмаил Николаевич Хагондоков, много лет назад завещал сохранить объёмистые мемуары генерала и передать их человеку, которого он узнает, когда придёт время. И это время пришло.



Слева направо: Александр Портнягин, Валентина Имтосими и внук генерала Хагондокова - Константин третий

Константин Николаевич Хагондоков родился 14 сентября 1871 года в Пятигорске. Отец – Ислам Хагондоков, офицер царской армии, уроженец кабардинского аула Кармово ( ныне село Камменомостское, Кабардино-Балкария). Чтобы жениться на русской дворянке, принял христианство с именем Николай. После гибели отца на Шипке во время Русско-турецкой войны мать осталась с четырьмя детьми. Мать, Александра Свищева, дочь русского консула в Китае. В 1877 году Константин был определён в «Школу для сыновей убитых и раненых офицеров в Санкт-Петербурге». По завершению учёбы он поступает в

## КНИГА – БИБЛИОТЕКА - УЧЁНЫЙ

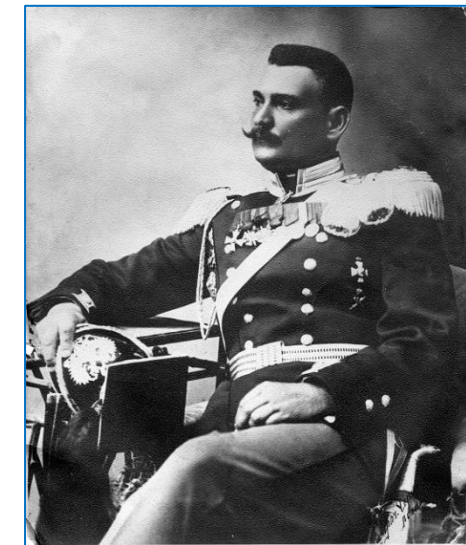
Константиновское артиллерийское училище, где и начинается его головокружительная карьера в царской армии. За храбрость и отвагу в боевых действиях от Дальнего Востока до западных границ России он был награждён многими орденами и медалями.

О бесстрашии Хагондокова ходили легенды. На протяжении всей своей военной карьеры, вплоть до генерала, никогда не отступал и никогда не проигрывал. Он не только стремился походить на своего кумира – полководца Суворова, но и служил образцом подражания в бою и в гражданской жизни. Сам царь не раз выказывал уважением к храброму горцу.

Знакомство с мемуарами генерала, написанными уже в 1950-х незадолго до его кончины, открыло перед нами живые страницы истории царской армии, её славные и трагические будни, которые ещё ждут своих исследователей. Он не был просто героем,

коллекционирующим награды. Это был вдумчивый человек, каждый раз анализирующий создавшуюся ситуацию для того, чтобы принять правильное стратегическое решение.

Так произошло и с написанием мемуаров. Будучи уже в Париже и не имея в изгнании никаких записей прошлых лет, но сознавая необходимость оставить после себя важные мысли без всякой претензии на то, чтобы их когда-то воплотили в жизнь, он писал: «Воспоминания не ставят цель кого-то учить или обличать, а в целях сохранить для потомков хотя бы некоторые обрывки



Полковник Николай Константинович  
Хагондоков

грандиозной картины жизни и быта царской Русской армии».

Константину не было ещё 20 лет, когда, закончив Константиновское училище, он начал свою военную карьеру, или, по его словам, «бродяжничество», имея в виду постоянные переезды из одного края России в другой. Первый пункт приписки - небольшой губернский польский городок, где русские офицеры, в сущности, были чужими, хотя и не искали общества местных военных. Два года спустя он уже в Туркестане, откуда, уйдя в запас, был по собственному желанию зачислен запасным офицером в охранную стражу Китайской Восточной Железной Дороги (КВЖД).

При отсутствии железной дороги на Дальний Восток России, он в 1898 году садится на пароход в Одессе и отправляется во Владивосток. Вместе с женой Елизаветой Бредовой, дочерью генерал-майора царской армии, и двумя дочками, одной из которых два года, а другой – два месяца, проделал путь через Чёрное море, а затем – Средиземное и Красное, Индийский океан, Жёлтое и Восточно-Китайское моря. Сорок дней спустя молодая семья прибывает во Владивосток. Именно здесь, от Приморского края до Харбина и Порт-Артура, проявились его замечательные качества – воспитателя, администратора, отважного и находчивого командира. Он не только проявляет чудеса храбрости и смекалки в отражении набегов хунзусов на места строек железной дороги, но и участвует в усмирении восстания «Больших кулаков», известном на Западе как «Боксёрское восстание» (кстати, ничего общего с боксёрами оно не имеет).

Вот как он описывает один из эпизодов защиты Харбина: «Части Охранной Стражи, входившие в состав Харбинского гарнизона, должны были в течение многих недель выдерживать осаду и отбивать атаки во много раз превосходящих сил китайцев. Только превосходство нашего оружия и боевая доблесть охранных частей дали возможность спасти Харбин от разгрома, а население его от зверства китайских банд. Приходилось быть начеку и днём, и ночью. Гарнизон выбивался из сил, проводя часто бессонные ночи».

Воинская доблесть молодого Хагондокова стала возможной благодаря преданности и уважения, которыми он пользовался у казачьих сотен, особенно Уральской и Донской, входивших в Охранную Стражу КВЖД, а также Хопёрского казачьего полка, прибывшего с Кубани для охраны железной дороги.

Когда Хагондоков покинул Владивосток и вернулся в Европу, чтобы готовиться для поступления в Академию Генерального Штаба, он получил письмо от своих подчинённых, которых называли «Хагондоковские солдаты» (сохранено так, как написано в мемуарах). Они описывали конфликт, который произошёл между ними и одним их офицеров и грозил стать суровым наказанием для них, хотя справедливость была на стороне нижних чинов. Последние решили искать защиту у Константина Николаевича, умоляя его для этого вернуться на Дальний Восток. Не задумываясь, он ищет и находит понимание своей жены, и обращается к начальству с просьбой отправить его обратно, чтобы помочь своим солдатам в решении разгоревшегося конфликта. По рассудительному совету военного руководства он не покинул Петербург, но, тем не менее, сумел вмешаться и уладить возникшие разногласия без ущерба для своих подчинённых.

Не успел Хагондоков окончить академию, куда успешно поступил и где был единственным слушателем с боевыми наградами, как грянула Русско-японская война. И снова наш герой на коне, в прямом и переносном смысле. Хотя его батарею расформировали, ему удалось по прибытии на Дальний Восток встретиться со своими солдатами, которые с грустью вспоминали этот печальный факт и просили у него прощения за то, что не смогли сохранить своё подразделение. Один из солдат так объяснил стряпшееся над батареей горе: «Уж дюже, Ваше Высокоблагородие, высоко поднялась батарея. Такое не всегда бывает, и людям в завидку. Уси ходят по земли, а мы по облакам. Людей зло берёт, чего это 3-я батарея залётывает. Вот и опрокинули». В беседе с солдатами Константин Николаевич постарался успокоить их, напомнив им, что за царём служба, а за Богом молитва не пропадает. И как не больно и горько сознавать свершившийся факт,

офицер сказал им: «Но, как я вас учил, помните, кто вы есть. Вы носители русского оружия и защитники русской чести и государственности; вы есть рыцари русские. Говорил я вам так, мои верные друзья? – «Точно так, говорили» – раздалось со всех сторон». В конце этой дружеской беседы Хагондоков напутствовал своих солдат: «Держитесь же так до конца службы вашей, а когда разойдётесь по домам, то будьте такими же честными и крепкими и в частной жизни».

Зависть многих сослуживцев постоянно сопровождала Хагондокова в армии, и, несмотря на это, благодаря выдающимся способностям, его продвижение по служебной лестнице было чрезвычайно быстрым. Кстати, звание генерала он получил в 1915 году, хотя представляли его к повышению до начала мировой катастрофы. По окончании Русско-японской войны, к которой у меня лично особый интерес, так как многие батальоны происходили в моих родных краях, Константин Хагондоков даёт свою оценку неудавшейся для России кампании. Он сравнивает эту войну с разрушительными последствиями Второй мировой войны для всей Европы, во время которой Германия, покончив с Чехией, Польшей, Бельгией, Данией, Голландией и Норвегией, поставила на колени Францию, «взяв из пятимиллионной армии два миллиона пленных, и в течение полугода богатую и сытую великодержавную страну обобрала до нитки и довела до нищеты». Что же касается результатов Русско-японской войны, то, несмотря на большие преимущества Японии, проистекавшие из географической приближённости к театру военных действий, «русская армия не была ни разбита, ни раздавлена, ни уничтожена, ни пленена».

Всего этого не произошло потому, что русская армия, считает генерал, не была побеждена; она продолжала существовать и, несмотря на всё сопротивление Петербурга и «на победы» Японии, росла, усиливалась и отлично снабжалась. «Где же была японская победа?» – задаёт вопрос Хагондоков и продолжает: «И если этой победы не было дано Японии, то...конечно. это результат руководства армией генералом Куропаткиным». Более того, русская армия, буквально, жаждавшая реванша, победы, оставалась

## КНИГА – БИБЛИОТЕКА - УЧЁНЫЙ

неподвижной на своих позициях, готовая продолжать бороться с противником. Однако были начаты мирные переговоры, остановившие боевые действия. «Победа русской армии в этот момент, - пишет в своих мемуарах генерал, – вывела бы Россию из унижительного положения, и весь печальный ход горестных событий следующих 10 – 15 лет в России не имел бы места».



Некоторые награды  
К.Н. Хагондокова

Размышления Хагондокова о Русско-японской войне, высказанные по её окончанию, звучат актуально для многих войн, которые зафиксированы в нашей истории. «Удивительная русская армия! – восклицает он и продолжает, - Вчера бежала в панике, неизвестно толком – почему. Сегодня одумалась, смеётся и поёт, соблюдая полный военный порядок. Завтра снова готова показать врагу, как Кузькину мать зовут». По мнению генерала, главное, что ей нужно – чтобы ею правильно руководили и не ставили в непонятно глупое до преступности положение. «Дайте ей хороших стратегов и приличную тактику, – уверен Хагондоков, – и она будет непобедима».

Цитата одного из дореволюционных профессоров в Академии генерального штаба, которую Константин Николаевич приводит на страницах своих мемуаров, напомнила мне ситуацию,

сложившуюся в начале Второй мировой войны о неподготовленности Советского Союза: «Плохая политика в международных отношениях и скверная стратегия на театрах

войны приводили к тому, что Россия всегда спасалась на спинах русской армии на полях сражений».

Война с Японией могла кончиться победоносно, с точки зрения автора, которому в период написания воспоминаний было уже 82 года, как кончались победоносно и многие другие, ненужные России войны. Но страна, к сожалению, была давно уже больна: «Характеры не вырабатывались, инициатива подавлялась, а не поощрялась, боязнь ответственности культивировалась, рутинная, предрассудки и критиканство втихомолку царствовали повсюду. Зависть подхалимов, отсутствие образования и воспитания масс тяжело сказывались на подготовке и вождении войск. Государственный патриотизм в народе не существовал, заменённый так называемым «колокольным» патриотизмом».

Хагондоков остро реагировал на то, что творилось в русской армии в период Русско-японской войны. Обсуждая все перипетии происходящих событий и боёв русских войск в Маньчжурии, группа офицеров во главе с Константином Хагондоковым пришла к заключению, что многое в приёмах управления и командования войсками устарело; застой царствовал во всех отраслях жизни и службы армии; личный почин, как и характер военнослужащих, подавлялся. Слишком много времени армия тратила на муштру, на парады для показа; и очень мало практиковалась именно в том, что нужно для войны. В результате было решено создать тайное общество под названием «Общество Военного Обновления».

По возвращению Константина Николаевича в академию Генерального штаба для продолжения учёбы начальству стало известно о его причастности к тайному обществу. Ему грозило увольнение, и даже суд. Однако дело приняло неожиданный поворот. Когда военный министр явился в Царское Село и представил доклад, пишет в своих мемуарах Хагондоков: «Государь Император прочёл проект устава нашего общества и сказал, что он совершенно согласен с мыслями этого общества, и было бы очень хорошо, чтобы оно широко распространилось в армии». Через три – четыре дня почти все офицеры – слушатели академии записались в члены Общества. В то же время из академии

сведения об обществе проникли в гвардейские части, и со всех сторон посыпались заявления о желании вступить в ряды прогрессивного общества. Однако по неизвестным до сих пор причинам «Общество Военного Обновления», не успев родиться, было распущено. Сработали ещё более тайные силы русского общества, которые не были заинтересованы в проведении реформ в русской армии.

Рассуждая о патриотизме – проблема, остро стоящая в России сегодня – генерал Хагондоков утверждает, что «патриотична была только кадровая армия, воспитываемая русским, действительно патриотичным офицерством, в массе своей комплектуемым главным образом «кадетами». В этой связи он вспоминает на старости лет слова из марша 2-го кадетского корпуса:

*Помню, как в корпус,  
В путь далёкий  
Мать провожала меня:  
«Сын мой, учися, молись за царя.  
«Смерть за Отчизну – завидная доля»,  
Так повторял мой отец для меня...*

Перелистывая тысячестраничные мемуары, понимаешь, насколько актуальными являются сегодня рекомендации, которые Константин Николаевич высказывал применительно к царской армии. По его мнению, образование офицерства должно было быть более тщательным. «На офицерство, - считает он, - надо было смотреть не в ущерб многим другим потребностям Государства в интеллигентных работниках, как на цемент Российской империи, памятуя, что ежегодно в их государственно патриотичные руки передавалось на воспитание и обучение 200.000 наиболее здоровых и сильных людей». «Без всякого сомнения и колебания, – пишет он, – надо было в ряды офицерства собирать элиту русской интеллигентной молодёжи, хорошо и вдумчиво подготовленной к их будущей подлинной роли патриотических воспитателей и военачальников русской армии, русского народа».

Константин Хагондоков, имевший большой военный опыт, который связывал его с казаками, видел в них опору российского государства. Он пишет в своих мемуарах, что единственно кому дорог порядок и «кто довольно мощен, чтобы его защитить, – это казаки». И он объясняет почему: «Они собственники своей войсковой земли и всех находящихся в ней богатств». Власть, подтверждающая права казаков на их самобытность, на их земельную собственность, считает Константин Николаевич, будет казаками поддерживаться со всей искренностью. «Пока не поздно, - уверен генерал, - надо казаков подготовить к этой необходимости защищать известный порядок, поддерживать центральную власть. А это привело бы... к возобновлению нормальной жизни всех народов, населяющих Россию».

Известно, что «Туземная дивизия» ещё при жизни Николая Второго была окрашена мистическим светом тайнства, не говоря уже о советском периоде, когда делалось всё, чтобы о ней забыли и не вспоминали. У Хагондокова другое отношение к этому храброму и неординарному воинскому соединению. Это он показывает на основе военных действий, развернувшихся в Карпатах против австрийцев в 1915 году, и в которых он лично принимал участие в качестве командира 2-ой бригады Туземной конной дивизии.

Во-первых, он отвергал слово «Дикая дивизия», объясняя это главным образом тем, что слово «дикая» не только не передаёт истинный смысл и назначение дивизии, но и часто было оскорбительно для всадников, унтер-офицеров и обер-офицеров,, которые верой и правдой служили русскому царю. Во-вторых, успехи этого удивительного военного формирования очень часто недооценивались собственными командующими, которые не подавали вовремя прошения о наградах. Награды не находили своих героев. В-третьих, они воистину были героями, которые наводили ужас во время ошеломляющих атак на противника, обращая его превосходящие силы в бегство.

Константин Николаевич приводит яркие примеры в подтверждение своих слов, ссылаясь на подвиги, совершённые на юго-западном фронте шестью славными полками этой дивизии –

Татарским, Чеченским, Ингушским, Черкесским, Дагестанским, Кабардинским. «Да будет стыдно всем тем, – пишет в своих мемуарах Хагондоков, – кто не зная работы и службы Кавказской Туземной конной дивизии, решается критиковать её действия только на том основании, что им непонятно, как можно «диких» людей, не обученных и не муштрованных долгой службой в строю, вести против первоклассных войск на европейский театр!» «Тем более чести этим «диким», но храбрым воинам – добровольцам, – продолжает генерал, – отправившимся на австрийский/юго-западный/фронт всего лишь после месяца обучения и с честью дравшимся под командой Брата Императора [Михаила Александровича – АП] рядом с знаменитой 12-й кавалерийской дивизией и ни в чём ей не уступавшим».

Декабрь 1916 г. Константину Хагондокову предлагают должность петроградского градоначальника. В правящих кругах бытовало мнение, что в условиях народного брожения справиться с ситуацией может только решительный и энергичный человек, такой, как генерал Хагондоков. На пути к этой должности осталось пройти аудиенцию с Государыней, которая была высокого мнения о Константине Николаевиче и находила его интересным собеседником. От своих близких друзей Хагондоков узнаёт, что тайно, за ковром в приёмной, где состоится встреча, будет находиться Григорий Распутин. От него, в конечном счёте, и зависит окончательное решение. Накануне аудиенции Хагондоков имел неосторожность прямолинейно, как он это всегда делал, высказаться по поводу того, что, если Распутин придёт к нему на приём, то будет принят в порядке общей очереди. Об этом тут же стало известно фавориту Александры Фёдоровны, и приём закончился тем, что в январе 1917 г. Константина Николаевича назначают губернатором Амурской области, в которую в то время входили также Сахалин и Камчатка, и наказным Атаманом Амурского казачьего войска. Все генерал-губернаторы, губернаторы и вице-губернаторы были свергнуты революционным народом. Константин Николаевич был единственным генерал-

губернатором, который избежал этой участи. Более того, когда он покидал свой пост в декабре 1917 г., его провожали с почестями.

Подводя итог своей военной карьеры, Константин Николаевич писал: «Я отходил три войны, пережил русскую революцию; во Франции дочь и три сына были во французской армии; ещё четыре зятя тоже были в армии и участвовали в боях».

У Константина Хагондокова всего было восемь детей и девять внуков. Одна из дочерей – Эльмесхан ( Гали) Хагондокова стала героиней Франции. По словам самого Хагондокова, «Гали – славное продолжение Хагондоковых во Франции».

Отважный генерал царской армии Константин Николаевич Хагондоков почил вдали от Родины в возрасте 87 лет и был похоронен в 1958 году на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

*«Вся моя личная жизнь была принесена в жертву армии. Горюю лишь о страшной гибели Славной, Доблестной и Многострадальной Русской Армии. Да вознесёт Господь Её в своё время»* (Константин Хагондоков, мемуары).